

УДК 347.19

doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.127-145

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУБЪЕКТАХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В.В. Долинская

*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), г. Москва, 125993, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается современное учение и законодательство о субъектах гражданских правоотношений в сопоставлении с идеями Д.И. Мейера. Поднимаются проблемы правосубъектности физических лиц до шести лет; выявляются неодинаковые подходы различных отраслей права и законодательства к установлению возраста получения полной дееспособности или отдельных прав; отмечается противоречие в нормах права, а также между фактической и юридической его реализацией в случае с эвтаназией. Применительно к юридическим лицам освещаются следующие вопросы: цели их создания и деятельности, характер правосубъектности, классификации юридических лиц. При анализе публично-правовых образований главное внимание уделяется такой их особенности, как совмещение государством политического и хозяйственного руководства страной, предполагающее единство власти суверена и собственника; исследуется характер правосубъектности государства, а также персонификация его правосубъектности в гражданских правоотношениях. Помимо этого, констатируются попытки признания правосубъектности за другими образованиями, в связи с чем делается вывод: при решении вопроса о круге субъектов гражданских правоотношений нужно учитывать наличие признаков участника правоотношений, всех элементов правосубъектности.

Ключевые слова: правосубъектность, участник правоотношений, физическое лицо, юридическое лицо, публично-правовое образование

В настоящее время законодательство называет три группы субъектов гражданских правоотношений: физические и юридические лица, а также публично-правовые образования. Большой вклад в развитие учения о них внес Д.И. Мейер. Рассмотрим проблемы, связанные с субъектным составом, которые наиболее ярко проявляются на данный момент.

Изначально субъектами права, в том числе гражданских правоотношений, признавались только **физические лица**. Согласно п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается его смертью. «Как рождение открывает правоспособность физического лица, так смерть ее разрушает», – отмечал Д.И. Мейер [1, с. 101]. Начало жизни связывается с моментом рождения. В соответствии с п. 1 ст. 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» моментом

рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов (ФЗ-323). Между тем в юридической науке и практике обсуждается вопрос о квалификации случая, предусмотренного ст. 1116 ГК РФ, согласно которой к наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. Соответственно, встает вопрос: до рождения возникает субъективное право или – в виде исключения – правосубъектность? Со времен Д.И. Мейера, который отмечал, что «эти определения законодательства еще далеки от признания личности зародыша» [1, с. 100], практически ничего не изменилось ни на уровне правового регулирования, ни на уровне доктрины.

Д.И. Мейер еще в XIX в. отвергал ставшие модными сейчас дискуссии о правах зародышей, эмбрионов: «Младенец может родиться мертвым; если начало физической личности относить к моменту зачатия, то, например, порядок наследования может определиться совершенно иначе, нежели в том случае, когда началом физической личности признавать момент рождения» [1, с. 100]. Другой подход повлек бы не только кардинальные изменения в наследственном праве (о чем предупреждал классик российской цивилистики), но и проблемы в применении норм иных отраслей права, например, свобода делать аборт была бы заменена на уголовное преследование за убийство. Заметим также, что глава II Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» называется «Государственная регистрация рождения», при этом среди прочих содержит ст. 20 «Государственная регистрация рождения ребенка, родившегося мертвым или умершего на первой неделе жизни» (ФЗ-143).

Д.И. Мейер отрицал влияние на правоспособность младенца каких-либо признаков жизни, помимо факта рождения живым: «...Способность к жизни (*vitalitas*) вовсе не существенна для признания новорожденного младенца лицом» [1, с. 101]. Противоположную позицию занимал Н.Л. Дювернуа, который поднимал вопрос о признаках рождения, необходимых для определения отдельной правоспособности рожденного (*status nativitatis*), в том числе о требовании рождения не только живым, но и жизнеспособным [2, гл. I, § 17].

Данный аспект был рассмотрен нами ранее [3]. Эта проблема затрагивает различные отрасли права. В частности, она возникает при решении вопроса о привлечении медицинских работников к уголовной ответственности за неоказание помощи больному (ст. 124, а также ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)): может ли рассматриваться в качестве потерпевшего новорожденный, по каким критериям его надо признавать больным и с какого момента (ситуации мертворождения или смерти в первые же мгновения после рождения)? Следует упомянуть, что до введения в действие Приказа Минздравсоцразвития России от 29 июня 2011 г. № 624н «Об утверждении Порядка выдачи листков нетрудоспособности» больничный лист предоставлялся не всем женщинам, у которых произошли преждевременные роды (п. 49 ПМ), а только тем, чей ребенок прожил неделю.

В ГК РФ ничего не говорится о правосубъектности физических лиц до 6 лет, что противоречит практике и здравому смыслу. Отметим некорректность квалификации таких лиц в некоторых изданиях в качестве недееспособных, так

как по российскому гражданскому праву признание недееспособным возможно только в отношении совершеннолетних, только по решению суда, только по закрытому перечню оснований и только при соблюдении определенной процедуры. В отношении физических лиц до 6 лет правильнее говорить о частичной (неполной) дееспособности.

Неоднозначна в юридической литературе квалификация п. 4 ст. 26 ГК РФ, согласно которой при наличии достаточных оснований суд по ходатайству родителей, усыновителей или попечителя либо органа опеки и попечительства может ограничить или лишить несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своими заработком, стипендией или иными доходами, за исключением случаев, когда такой несовершеннолетний приобрел дееспособность в полном объеме в соответствии с п. 2 ст. 21 или со ст. 27 настоящего Кодекса. Происходит ограничение субъективного права или дееспособности? По правовому статусу несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет практически идентичен ограниченному в дееспособности. Следовательно, налагаемое ограничение в дееспособности противоречит закону (распространяется на не полностью дееспособного) и не имеет практических последствий.

Технически неудачен и создает проблемы «разброс» по частям 1 и 2 ГК РФ норм о восполнении недостатков в дееспособности граждан их законными представителями (делкоспособности – ст. 26, 28–30 ГК РФ, деликтоспособности – ст. 26, 28, 30, 1073, 1074, 1076 ГК РФ).

Приведем другие примеры расхождений. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав, утвержденные Решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 27–28 февраля 2007 г., игнорируют возможность получения несовершеннолетним полной дееспособности досрочно (п. 4 МР). Пленум Верховного Суда РФ в п. 31 Постановления от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» всех несовершеннолетних квалифицирует в качестве нетрудоспособных (ППВС № 9), в отличие от ч. 3 ст. 1 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ).

Возникает ситуация, когда разными отраслями права и законодательства установлен различный возраст получения полной дееспособности или отдельных прав. Так, в п. 2 ст. 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» признается право несовершеннолетних с 15 лет на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него. В ст. 57 СК РФ закреплены право ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства (очевидно, вне зависимости от возраста) и обязанность (чья? под угрозой какой ответственности?) учитывать мнение ребенка, достигшего возраста 10 лет, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам, а также обязанность органов опеки и попечительства или суда в случаях, предусмотренных ст. 59, 72, 132, 134, 136, 143, 145 СК РФ, принять решение только с согласия ребенка, достигшего возраста 10 лет. Однако в ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), признающей гражданскую процессуальную дееспособность в полном объеме только за гражданами, достигшими 18-летнего возраста (п. 1), а также за несовершенно-

летними, вступившими в брак или эмансипированными (п. 2), обязанность суда привлекать к участию в деле несовершеннолетних установлена только в отношении граждан в возрасте от 14 до 18 лет (п. 3). В ст. 5 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) административная процессуальная дееспособность признается за гражданами, достигшими возраста 18 лет и не признанными недееспособными, а также за несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет по административным делам, возникающим из спорных административных и иных публичных правоотношений, в которых указанные граждане согласно закону могут участвовать самостоятельно (п. 2). В то же время в п. 3 ст. 5 КАС РФ не установлен нижний предел возраста, с которого суд может в случае необходимости привлечь несовершеннолетних к участию в рассмотрении административного дела [4].

За пределы юридического сообщества вышла дискуссия об эвтаназии – субъективном праве распорядиться своей жизнью (см., например, [5–8]). В данном случае наблюдается противоречие в нормах права, а также между фактической и юридической его реализацией.

Статья 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» запрещает медицинским работникам осуществление эвтаназии – ускорения по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращением искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента. С ней вступают в противоречие ст. 20 названного закона, которая закрепляет закрытый перечень обстоятельств, допускающих медицинское вмешательство без согласия гражданина; ст. 19 и 20, которые устанавливают право гражданина (или его законного представителя) отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения. Наличие права у пациента предполагает наличие обязанности у медицинского работника, то есть речь идет о так называемой пассивной эвтаназии.

Кроме того, фактически человек может распорядиться своей жизнью, служа по контракту в местах военных действий, участвуя в опасных для жизни медицинских, биологических, физических и других экспериментах, совершая самоубийство. Кстати, по данным Всемирной организации здравоохранения в мире ежегодно совершается более 800 тыс. самоубийств, при этом значительно большее число людей осуществляют попытки самоубийства; в России по данным на 2012 г. на 100 тыс. человек приходится 19.5 самоубийств (ДВОЗ). В то же время УК РФ не предусматривает ответственности за самоубийство или покушение на него. Налицо несоответствие фактического осуществления права и нормативного регулирования осуществления права.

Затронутый вопрос носит не только этический, но и юридический характер. Являются ли жизнь и здоровье исключительно личными нематериальными благами, или в силу их ценности для общества государство устанавливает пределы осуществления прав на жизнь и здоровье? И та, и другая позиции могут быть обоснованы с точки зрения Конституции РФ, ГК РФ и других источников права. Следовательно, проблема правовой квалификации должна быть решена на уровне закона.

По смыслу ст. 17 ГК РФ к смерти как моменту прекращения правосубъектности приравнивается объявление гражданина умершим (ст. 45 ГК РФ), но прямо в законе на это не указано.

Помимо классификации физических лиц по объему дееспособности, ГК РФ пополнился в последнее время классификацией граждан по специфике экономической деятельности (см. ФЗ-199). В данном случае основные проблемы, на наш взгляд, состоят в отсутствии единого подхода законодателя и ученых к определению экономической деятельности и ее видов [9], разрозненности и противоречивости норм о правовом статусе индивидуальных предпринимателей и самозанятых в гражданском, налоговом законодательстве, законодательстве о социальном страховании и о занятости населения.

Перейдем к рассмотрению второй группы участников гражданских правоотношений. **Юридические лица** были обособлены в праве позднее, чем физические [10]. Сам термин в законодательстве появился в XIX в.: Торговый кодекс Франции 1807 г. указывает на то, что торговые товарищества являются юридическими лицами (моральными), хотя Гражданский кодекс Франции 1804 г. еще не знал данного понятия [11].

Д.И. Мейер постоянно подчеркивал, что «юридическое лицо само по себе только – отвлеченное понятие» [1, с. 144].

Российское законодательство о юридических лицах претерпело серьезные изменения [12]. В новом легальном определении этого термина некоторые признаки субъекта права нашли более четкое отражение, некоторые – наоборот. Например, применительно к организационному единству использован некорректный прием: законодатель по-прежнему ставит знак равенства между понятиями «юридическое лицо» и «организация», то есть раскрывает понятие через его синоним. В то же время заметим, что гражданское законодательство большинства зарубежных стран либо вообще не дает определения юридического лица, либо ограничивается самыми обычными и краткими формулировками [13].

Цель создания и деятельности юридических лиц, о которой много писал Д.И. Мейер («...юридические лица создаются... на пользу людей...» [1, с. 99]), проникает в категории их правосубъектности, классификации и даже институт недействительности сделок. Эти цели носят экономический, социальный и правовой характер. В силу исторического развития основными целями создания юридических лиц являются:

- 1) обособление определенной имущественной массы и включение ее в гражданский оборот;
- 2) ограничение предпринимательского риска;
- 3) оформление, осуществление и защита коллективных (групповых) законных интересов различного рода как в имущественной, так и в нематериальной сфере [11].

Примечательно соединение этих целей, в частности первой и третьей, в постановлении Конституционного Суда РФ от 24 октября 1996 г. № 17-П, признавшем, что хозяйственные общества и товарищества «по своей сути являются объединениями – юридическими лицами, которые созданы гражданами для совместной реализации таких конституционных прав, как право свободно использо-

вать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» (ПКС).

Цель создания юридического лица должна быть легальной и удовлетворять требованиям, предъявляемым к осуществлению субъективных гражданских прав.

Характер правосубъектности юридического лица обусловлен легальными требованиями к ней [12]. Общее требование (ограничение) – соответствие гражданских прав юридических лиц целям деятельности, предусмотренным в их учредительных документах, и связь обязанностей с этой деятельностью (ч. 1 п. 1 ст. 49 ГК РФ). Среди дополнительных требований особо выделим: 1) ограничения по организационно-правовым формам (далее – ОПФ) коммерческих и некоммерческих юридических лиц, то есть в зависимости от основной цели деятельности (ст. 50 ГК РФ); 2) возможность для некоммерческих юридических лиц осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям (п. 4 ст. 50 ГК РФ). Специальное требование (ограничение) – соответствие гражданских прав и обязанностей коммерческих юридических лиц (за исключением унитарных предприятий и иных видов организаций, предусмотренных законом) видам деятельности, не запрещенным законом (ч. 2 п. 1 ст. 49 ГК РФ).

Значимость общего ограничения подчеркивает специальное основание недействительности сделок: сделка, совершенная юридическим лицом в противоречии с целями деятельности, определенно ограниченными в его учредительных документах, может быть признана судом недействительной по иску этого юридического лица, его учредителя (участника) или иного лица, в интересах которого установлено ограничение, если доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать о таком ограничении (ст. 173 ГК РФ).

В легальном определении юридического лица претерпел изменения экономический признак: исчезли правовые основания обособления имущества и его бухгалтерская форма (п. 1 ст. 48 ГК РФ).

Формулировка материально-правового признака юридического лица скорректирована с учетом изменения предмета гражданско-правового регулирования (п. 1 ст. 48 ГК РФ).

Внешнее оформление, признание субстрата в качестве участника оборота, которое раньше фигурировало в отстоявшей от легального определения юридического лица прежней редакции ст. 51 ГК РФ «Государственная регистрация юридических лиц», зафиксированы теперь в п. 2 ст. 48 ГК РФ. Данная норма охватывает сразу два момента: во-первых, указание на обязательную регистрацию в едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) и, во-вторых, указание на закрытый перечень ОПФ юридических лиц, содержащийся именно в ГК РФ, а не рассеянный по разным федеральным законам.

Д.И. Мейер подчеркивал значимость того, что на современном этапе оформилось как государственная регистрация: «...Юридическое лицо есть субъект права только по исключению и потому всегда нуждается в признании со стороны общественной власти. <...> ...Общим правилом для нас должно служить то положение, что юридическая личность возможна не иначе как по признанию общественной власти» [1, с. 139–140] (см. также [14]).

По-прежнему оставляет желать лучшего освещение правосубъектности юридического лица. Д.И. Мейер в параграфе «Права юридического лица» гл. 2 ч. 1 учебника «Русское гражданское право»¹ дал ее основные характеристики и выделил все ее элементы.

ГК РФ прямо указывает лишь на правоспособность юридического лица (ст. 49). Из анализа правовых актов, судебных решений и доктринальных работ следует, что юридическое лицо, так же как и физическое, обладает не только правоспособностью, но и дееспособностью (п. 1 ст. 48 ГК РФ: «может... приобретать... права»), деликтоспособностью (ст. 56, п. 1 ст. 48 ГК РФ: «отвечает... по своим обязательствам»), наименованием (п. 1 ст. 54, п. 4 ст. 52 ГК РФ), местом нахождения (п. 2 ст. 54, п. 4 ст. 52 ГК РФ).

На дееспособность юридического лица прямо не указывалось и ранее: в ст. 23 ГК РСФСР 1964 г. существовала та же формула, что и в п. 1 ст. 48 действующего ГК РФ. Причины такого положения нам видятся в том, что: а) некоторые цивилисты ставят знак равенства между правосубъектностью и правоспособностью [15]; б) по общему правилу, право- и дееспособность юридического лица возникают одновременно (с возникновением самого юридического лица), прекращаются, как правило, одновременно (с прекращением деятельности юридического лица). В то же время Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик вообще не упоминали о возможности юридического лица от своего имени приобретать права и лишь указывали на то, что оно «отвечает по своим обязательствам» (ч. 1 п. 1 ст. 11 ОГЗ), то есть обращали внимание на такой элемент дееспособности, как деликтоспособность, игнорируя сделкоспособность.

Персонификация юридического лица включает, наряду с наименованием и местом нахождения, теперь и адрес (п. 3 ст. 54 ГК РФ). Юридическое лицо – своего рода фикция, поэтому его правосубъектность в гражданском обороте должна быть персонифицирована.

По общему правилу юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы (п. 1 ст. 53 ГК РФ). Д.И. Мейер уделил им большое внимание в параграфе «Деятельность юридического лица» гл. 2 ч. 1 своего учебника. Было отмечено их назначение, превалирование локального регулирования в определении волеизъявляющих органов, их формировании и компетенции, обращено внимание на проблемы кворума.

На протяжении истории гражданского права понятие «орган юридического лица» раскрывалось через теории самого юридического лица, которые в основном сводили суть правового положения органа либо к признанию его представителем юридического лица и, соответственно, самостоятельным субъектом права, либо к рассмотрению органа юридического лица в качестве составной части последнего. Оба подхода используются и сегодня, при этом преобладает классическая и одновременно актуальная до настоящего времени позиция Б.Б. Черпахина в отношении органов юридического лица [16]. Она находит подтверждение в судебных актах (см. ППВАС № 9, п. 24 ППВАС № 46, ППрВАС, ИП).

В свете того, что процессуальное законодательство и законодательство о конкретных ОПФ юридических лиц (например, п. 1 ст. 53, п. 1 ст. 225.10

¹ Нумерация параграфов различается по изданиям. Например, в издании 1914 г. это § 15, в цитируемом издании 2003 г. – § 16.

Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)) признают за его органами статус участников правоотношений [17], особое внимание следует обратить на то, что органы юридического лица не являются субъектами гражданских правоотношений, не обладают правосубъектностью в полном смысле этого слова [18].

Порядок образования и компетенция органов юридического лица определяются законом и учредительным документом (ч. 2 п. 1 ст. 53 ГК РФ). Термины «назначение» и «избрание», используемые в ряде специальных законов и встречавшиеся в прежней редакции ГК РФ, больше относятся к членам органов, а не самим органам юридического лица.

Элементы автономии воли и диспозитивности в методе гражданского права привели к выделению обязательных органов (например, общее собрание акционеров, единоличный исполнительный орган) и органов, создаваемых по усмотрению самого юридического лица [19, с. 11].

Если применительно к унитарным организациям закон преимущественно говорит о руководителе как органе управления юридического лица, то применительно к корпорациям называются различные органы, к тому же неодинаковые по источникам права (ГК РФ или специальное законодательство) и по ОПФ юридических лиц.

Спорной, на наш взгляд, новеллой является возможность плюрализма в отношении персонификации правосубъектности организации, причем лица, выступающие от ее имени, могут действовать совместно или независимо друг от друга (ч. 3 п. 1 ст. 53 ГК РФ). Такой порядок опускает организации до уровня договорных объединений (договор простого товарищества и т. п.) и раньше встречался именно в ОПФ юридических лиц, недалеко ушедших от договора. Наличие нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга, имеющих право подписи финансовых документов, без указания на необходимость разграничения полномочий может повлечь за собой возникновение корпоративных конфликтов, спровоцировать экономическую нестабильность юридического лица.

Сложная система органов юридического лица свидетельствует: 1) о тенденции к разграничению управления и контроля; 2) о выделении организационной и исполнительно-распорядительной деятельности в рамках управления.

Несколько изменились формулировки в отношении возникновения и прекращения правосубъектности юридического лица (п. 3 ст. 49 ГК РФ). ГК РФ дополнен ст. 50.1, посвященной решению об учреждении юридического лица. Сокращено число учредительных документов организации (ст. 52 ГК РФ). Новеллой стало включение норм об иных внутренних документах юридического лица (п. 5 ст. 52 ГК РФ). Недостатком, по нашему мнению, является сужение сферы их деятельности – только корпоративные отношения, а не внутренние отношения в любой организации, в том числе унитарной; достоинством – очередной шаг в развитии системы источников гражданского права, документов юридических лиц.

Что касается прекращения деятельности юридического лица, то в соответствующие нормы внесены существенные изменения. Например, приведены в соответствие ГК РФ и Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринима-

телей» (ст. 21.1 ФЗ-129): наряду с ликвидацией и реорганизацией, ГК РФ признал как гражданско-правовой порядок исключения недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ (ст. 64.2 ГК РФ); установлено дополнительное основание исключения юридического лица из ЕГРЮЛ (п. 6 ст. 62 ГК РФ); в определение ликвидации включен принцип универсального правопреемства (п. 1 ст. 61 ГК РФ).

Значимые изменения произошли и в порядке реорганизации юридических лиц. Новеллами ГК РФ по этому вопросу являются признание недействительным решения о реорганизации юридического лица и признание несостоявшейся реорганизации такой разновидности юридических лиц, как корпорация; они различаются по инициатору – заявителю, условиям – нарушениям закона, правовым последствиям – судебное решение имеет обратную силу в отношении всех последствий кроме сделок с лицами, добросовестно полагавшимися на правопреемство (ст. 60.2 ГК РФ).

Одним из методов познания явления (понятия) является его классификация. В связи с этим отметим, что легальная классификация юридических лиц усложнилась.

Примечательно, что Д.И. Мейер признавал полноценными юридическими лицами союзы, совокупности. Так, он писал: «Но не только совокупность физических лиц одаряется правами: нередко и заведениям, учреждаемым с какою-либо целью, присваиваются права, и они, таким образом, соделываются юридическими лицами. Всего чаще богоугодные заведения, больницы, богадельни и т. п. одаряются правами, отчего и юридические лица этого рода называются технически *ria causa, ria corpora*. Юридическую личность такого рода нельзя свести к совокупности физических лиц, потому что хотя у больниц, богаделен и т. п. и есть разные лица, но между ними нет связи, а юридическое лицо – совокупность лиц предполагает связь между отдельными физическими лицами. <...> ...Цель заведения требует, чтобы оно было одарено правами; между тем достижение цели может быть очень важно для государства, и, таким образом, законодательство, признавая заведения юридическими лицами, только удовлетворяет потребности общественного быта» [1, с. 138]. Если отвлечься от того, что Д.И. Мейер отказывал унитарным организациям, учреждениям в одном из элементов признака организационного единства, то мы обнаруживаем здесь указание на деление организаций на корпоративные и унитарные, которое легализовано в России в XXI в.

Сейчас законом закреплены четыре классификации юридических лиц:

- 1) по правам учредителей (участников) в отношении юридического лица (ч. 1 и 2 п. 3 ст. 48 ГК РФ)²,
- 2) по основной цели деятельности (п. 1 и 4 ст. 50 ГК РФ);
- 3) по ОПФ и их группам (п. 2 и 3 ст. 50 ГК РФ);
- 4) по наличию участников и права участия (членства), корпоративных прав и обязанностей у учредителей (данное основание близко к первому) (ч. 1 и 2 п. 1 ст. 65.1 ГК РФ).

Не называется в ГК РФ прямо, но используется классификация юридических лиц по правовому основанию имущественной обособленности.

² Классификация по этому основанию в прежней редакции п. 2 и 3 ст. 48 ГК РФ представлялась более четкой.

Каждая из указанных классификаций имеет свое значение и правовые последствия [11].

С 1994 г. деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие неоднократно критиковалось как современными «классиками» отечественной цивилистики (М.И. Брагинским, В.А. Дозорцевым, В.А. Рахмиловичем, Ю.К. Толстым и др.), так и более молодыми учеными [20–22]. В частности, указывалось на то, что некоммерческие организации (далее – НКО) также могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствует таким целям; в то же время такие коммерческие юридические лица, как унитарные предприятия, не распределяют полученную прибыль между участниками. Кроме того, включение государственных корпораций в число некоммерческих юридических лиц и определение их правового статуса и правосубъектности явно приходят в противоречие друг с другом [23].

В отношении НКО в ГК РФ появились две новеллы. Первая заключается в следующем: вместо указания на различные характеристики хозяйственной деятельности некоммерческих организаций, что было характерно для прежней редакции гл. 4 ГК РФ (например, п. 5 ст. 116, п. 1 ст. 117, п. 2 ст. 118, ст. 298 ГК РФ), действующая редакция Кодекса использует формулировку «приносящая доход деятельность, если это предусмотрено их [НКО] уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям» (п. 4 ст. 50 ГК РФ). Иными словами, хозяйственная деятельность юридических лиц теперь разделена на два вида: предпринимательская (коммерческих юридических лиц) и приносящая доход (некоммерческих). В последнем случае вводится дополнительное условие, что составляет вторую новеллу, а именно необходимость НКО иметь достаточную для осуществления деятельности имущественную базу, к размеру которой предъявляются, как правило, повышенные требования (п. 5 ст. 50 ГК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ восполнил пробел в законодательстве, отвечая на вопрос, каким правилам такая деятельность должна подчиняться: «В этом случае на некоммерческую организацию в части осуществления приносящей доход деятельности распространяются положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность» (п. 21 ППВС № 25). Следовательно, на нее распространяются нормы, устанавливающие особенности предпринимательских отношений и в первую очередь обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Самой мобильной является классификация юридических лиц по ОПФ и их группам. Ее достоинство – распространение принципа замкнутости не только на коммерческие (что было и ранее), но и на некоммерческие юридические лица. Однако это соблюдается чисто формально, и данный принцип имеет некоторые пороки. Во-первых, в Основных положениях (§ 1 гл. 4 ГК РФ) часто говорится о группах ОПФ, а конкретные формы юридических лиц раскрываются в ГК РФ позднее или вообще указываются в специальном законодательстве. Во-вторых, некоторые ОПФ только поименованы в ГК РФ, а их статусу посвящены специальные законы (например, ФЗ-380, ФЗ-236). В-третьих, ГК РФ легализовал двойственную природу крестьянского (фермерского) хозяйства: с одной стороны,

ему как организационно-правовой форме юридического лица, упомянутой после хозяйственного товарищества, посвящена ст. 86.1 ГК РФ; с другой стороны, оно может функционировать как договорная форма на основе соглашения граждан, ведущих совместную деятельность в области сельского хозяйства без образования юридического лица (п. 5 ст. 23, ч. 1 п. 1 ст. 86.1 ГК РФ).

Разделение на унитарные и корпоративные организации, восприняв недостатки легального определения корпоративных отношений, не соответствует общемировым представлениям о корпорациях. Проигнорированы такие значимые признаки, как: а) имущественный критерий – формирование первоначальной имущественной базы за счет объединения вкладов участников, а не путем выделения собственником части имущества; б) цель деятельности – в мировой практике это, как правило, статутные формы коллективной предпринимательской деятельности. В определении корпораций, данном в п. 1 ст. 65.1 ГК РФ, ошибочно ставится знак равенства между участием и членством.

Третья группа субъектов гражданских правоотношений – **публично-правовые образования** – стала объектом внимания исследователей только во второй половине XX в. [24–27].

Д.И. Мейер обозначил четыре момента в характеристике государства:

1) «...Государство есть не что иное, как обширный союз отдельных физических лиц» [1, с. 137];

2) «Нуждаясь во множестве вещей для удовлетворения своих разнообразных потребностей, государство, совокупность граждан, по необходимости одаряется имущественными правами и, таким образом, является в юридическом быту субъектом гражданского права и в этом качестве называется казной» [1, с. 156];

3) государство – это привилегированный субъект, так как «каждый отдельный гражданин должен жертвовать личными интересами для общего блага» [1, с. 156];

4) различные государственные органы (начиная с государя) и должностные лица – представители казны, не выступающие в обороте самостоятельно.

В настоящее время особенности публично-правовых образований определяются тем, что государство заключает в себе единство политического и хозяйственного руководства страной, единство власти суверена и собственника. Это находит выражение в двух направлениях активности государства в сфере гражданских правоотношений – их регулировании и специфическом участии в них.

Государство само принимает законы, которыми должны руководствоваться все субъекты гражданских правоотношений, таким образом самостоятельно определяя порядок, формы и характер осуществления принадлежащих ему прав. Оно может принимать административные акты, которые порождают, изменяют и прекращают гражданские отношения независимо от воли другой стороны. Государство сохраняет властные функции, даже вступая в построенные на началах равенства гражданские отношения (например, в договоре на поставку товаров для государственных нужд).

Государству свойственны общие для всех субъектов гражданских отношений признаки внешней обособленности: организационная и имущественная обособленность. Организационное обособление в основном выражается в общих признаках государства (в широком смысле слова) и определяется в Конституции РФ, конституциях и уставах субъектов РФ, уставах муниципальных обра-

зований и других правовых актах. Имущественная обособленность выражается по общему правилу в наличии права государственной собственности у Российской Федерации (федеральная собственность) и ее субъектов (собственность субъектов РФ), а также права муниципальной собственности у муниципальных образований (ст. 214, 215 ГК РФ). Легально зафиксированы материально-правовой признак, включающий самостоятельную имущественную ответственность, и процессуально-правовой признак (ст. 125, 126 ГК РФ).

Вместе с тем правосубъектность государственных и муниципальных образований не тождественна правосубъектности физических и юридических лиц. Государство имеет некоторые права и обязанности, которые не могут принадлежать другим субъектам, и наоборот: оно не может обладать рядом прав, которые принадлежат только физическим и юридическим лицам в силу их природы. Но всё вышесказанное не помогает решить вопрос о характере правосубъектности государства.

Ряд исследователей (например, Н.Д. Егоров, О.А. Красавчиков [28]) полагают, что правосубъектность государства носит универсальный характер: государство может иметь любые права и обязанности за исключением тех, принадлежность которых государству исключается самой их природой. По мнению других ученых (см., например, [29]), правосубъектность является специальной, поскольку государство имеет лишь те гражданские права и обязанности, которые предусмотрены законом; при этом игнорируется факт, что законы издает государство, которое само может изменять объем своей правосубъектности. Оригинален подход А.А. Иванова, переводящего вопрос в иную плоскость: «Правоспособность государства можно назвать целевой – она вытекает из той функции носителя публичной власти, которую в интересах всего общества выполняет государство» [30, с. 155].

На государство в полной мере распространяются все те правила, которые оно устанавливает для иных субъектов; правовое регулирование тяготеет к уравниванию прав и обязанностей всех субъектов гражданских отношений; к государству применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей публичных субъектов; в то же время право- и дееспособность государства, в отличие от других субъектов, не подлежит ограничению.

Не менее сложен вопрос о персонификации правосубъектности государства в гражданских правоотношениях. Помимо деления, предложенного в ст. 125 ГК РФ (см. также ст. 182 ГК РФ), значение имеют основания возникновения полномочия, характер компетенции органов и особенности участия государственного органа или иной государственной организации в гражданском обороте (от своего имени как юридическое лицо или от имени государства). Для реализации правосубъектности государства необходимо, чтобы государственный орган или иной субъект вступил в гражданские отношения от имени государства, оперировал при этом государственным имуществом, приобретал права и обязанности для государства, ответственность в этих отношениях несло государство.

Рассматривая формы и виды государственного участия в гражданском обороте, можно выделить три возможности: 1) участие посредством государственного юридического лица; 2) участие в юридическом лице смешанной экономики,

в том числе в процессе разгосударствления и приватизации; 3) участие непосредственно самих органов государства.

Исследование правосубъектности публично-правовых образований позволяет подчеркнуть следующие моменты: а) особое значение для общества в целом определенных сфер экономики; б) тактический, временный интерес государства к отдельным структурам для решения стратегических задач; в) исторически относительно высокая степень отлаженности механизма государственного участия в экономической деятельности; г) субъективно большее доверие населения к структурам с участием государственного капитала. Участие государства в гражданско-правовых отношениях сочетает в себе частноправовые элементы, соответствующие «ядру» гражданской правосубъектности, и публично-правовые элементы, соответствующие природе государства. На практике государственное регулирование гражданско-правовых отношений и государственное участие в гражданском обороте тесно взаимосвязаны [31].

В последнее время как в публичном, так и в частном праве наблюдаются попытки признания правосубъектности за **другими образованиями** [32]. Приведем примеры:

– в п. 2 ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ), наряду с понятием юридических лиц, введено понятие «другие корпоративные образования, обладающие гражданской правоспособностью, созданные в соответствии с законодательством иностранных государств» (см. также ОКОПФ);

– норма п. 1 ст. 53 ГК РФ о том, что по общему правилу юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, получила развитие в праве корпораций и процессуальном праве в форме признания правосубъектности и за органами юридического лица (п. 1 ст. 53, п. 1 ст. 225.10, ст. 225.11 АПК РФ) [33];

– с 2013 г. гл. 9.1 ГК РФ рассматривает собрания как правосубъектные образования (п. 2 ст. 181.1 ГК РФ)³;

– Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 382 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ФЗ-382) введено два квазиправосубъектных образования [34].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 64 (ППВС № 64) по частному вопросу обобщило подход законодателя ко всем правосубъектным образованиям (со статусом юридического лица и без него).

Однако ни у одного из вышеуказанных квазиправосубъектных образований нет всех признаков участника правоотношений, всех элементов правосубъектности.

Д.И. Мейер считал, что «если юридические лица составляют в юридическом быту явление исключительное, то не следует размножать их искусственно. Лучше довольствоваться такими юридическими лицами, которые необходимо должны быть признаны самостоятельными, без которых не могут быть объяснены юридические явления» [1, с. 158].

Мы не столь категоричны и полагаем, что при решении вопроса о круге субъектов гражданских правоотношений важно наличие признаков участника

³ См. также о собраниях кредиторов ст. 2, 12, п. 3 ст. 20.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (ФЗ-127).

правоотношений, всех элементов правосубъектности, «размывание» которых в законодательстве мы наблюдаем даже у классических субъектов права.

Источники

- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 3 авг. 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Ч. 2: Федеральный закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 30 дек. 2018 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; Ч. 3: Федеральный закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 3 авг. 2018 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
- ФЗ-323 – Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
- ФЗ-143 – Федеральный закон от 15 нояб. 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.
- УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 мая 2019 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- ПМ – Приказ Минздравсоцразвития России от 29 июня 2011 г. № 624н «Об утверждении Порядка выдачи листков нетрудоспособности» // Рос. газ. – 2011. – 11 июля. – № 148.
- МР – Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. Решением Правления ФНП от 27–28 февр. 2007 г., Протокол № 02/07) // Нотар. вестн. – 2007. – № 8. – С. 38–43.
- ППВС № 9 – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюл. Верхов. Суда РФ. – 2012. – № 7.
- СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 29 мая 2019 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
- ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 27 дек. 2018 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
- КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 27 дек. 2018 г.) // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
- ДВОЗ – Предотвращение самоубийств. Глобальный императив: Доклад Всемирной организации здравоохранения. – URL: [https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/152893/Suicide%20report%20a%20global%20imperative%20\(Rus\).pdf;jsessionid=5E625BB416229B88C3CAB45FA457F47A?sequence=3](https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/152893/Suicide%20report%20a%20global%20imperative%20(Rus).pdf;jsessionid=5E625BB416229B88C3CAB45FA457F47A?sequence=3), свободный.
- ФЗ-199 – Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2017. – № 31 (ч. I). – Ст. 4748.
- ПКС – Постановление Конституционного Суда РФ от 24 окт. 1996 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года “О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об акцизах”» // СЗ РФ. – 1996. – № 45. – Ст. 5202.
- ГК РСФСР 1964 г. – Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.
- ОГЗ – Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.
- ППВАС № 9 – Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 мая 1998 г. № 9 «О некоторых вопросах практики применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок» // Вестн. ВАС РФ. – 1998. – № 7.

- ППВАС № 46 – Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 июля 2007 г. № 46 «О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 “О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях”» // Вестн. ВАС РФ. – 2007. – № 9.
- ППрВАС – Постановление Президиума ВАС РФ от 9 февр. 1999 г. № 6164/98 // Вестн. ВАС РФ. – 1999. – № 9.
- ИП – Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 23 окт. 2000 г. № 57 «О некоторых вопросах практики применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестн. ВАС РФ. – 2000. – № 12.
- АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25 дек. 2018 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
- ФЗ-129 – Федеральный закон от 8 авг. 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (ред. от 27 дек. 2018 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3431.
- ППВС № 25 – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Рос. газ. – 2015. – 30 июня. – № 140.
- ФЗ-380 – Федеральный закон от 3 дек. 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // СЗ РФ. – 2011. – № 49 (ч. V). – Ст. 7058.
- ФЗ-236 – Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 27 (ч. I). – Ст. 4169.
- НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29 мая 2019 г.) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
- ОКОПФ – Общероссийский классификатор организационно-правовых форм ОК 028-2012 (утв. Приказом Росстандарта от 16 окт. 2012 г. № 505-ст) (ред. от 24 окт. 2018 г.) // СПС Консультант Плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139192/, свободный.
- ФЗ-127 – Федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
- ФЗ-382 – Федеральный закон от 29 дек. 2015 г. № 382 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 1 (ч. I). – Ст. 2.
- ППВС № 64 – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2016 г. № 64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» // Рос. газ. – 2017. – 9 янв. – № 1.

Литература

1. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. – М.: Статут: Консультант Плюс, 2003. – 830 с.
2. *Дювернуа Н.Л.* Чтения по гражданскому праву: в 2 т. / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало: Система Гарант, 2004. – Т. 1: Введение. Учение о лице. – 538 с.
3. *Долинская В.В., Долинская Л.М.* Жизнь и жизнеспособность в праве и медицине // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 30–35.
4. *Долинская В.В., Долинская Л.М.* Проблемы правосубъектности и прав детей: международный и национальный аспект // Развитие юридической науки в новых условиях:

- единство теории и практики – 2018: Ежегод. Междунар. науч.-практ. конф.: Сб. докл. – Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2018. – С. 197–199.
5. *Ковалев М.И.* Право на жизнь и право на смерть // Государство и право. – 1992. – № 7. – С. 66–73.
 6. *Красавчикова Л.О.* Право на жизнь // Вестн. Гуманит. ун-та. Серия: Право. – 1996. – № 1. – С. 24.
 7. *Малеина М.Н.* О праве на жизнь // Сов. государство и право. – 1992. – № 2. – С. 50–59.
 8. *Михайлова И.А.* Право на жизнь // Цивилист. – 2007. – № 2. – С. 31–37.
 9. *Долинская В.В.* Экономическая деятельность и ее виды // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 3. – С. 3–14.
 10. *Долинская В.В.* Акционерное право: основные положения и тенденции. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
 11. Гражданское право: участники правоотношений / Отв. ред. В.В. Долинская, В.Л. Слесарев. – М.: Проспект, 2017. – 237 с.
 12. *Долинская В.В.* Основные положения о юридических лицах: новеллы гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 6. – С. 3–11.
 13. *Кулагин М.И.* Предпринимательство и право: опыт Запада. – М.: Дело, 1992. – 142 с.
 14. *Долинская В.В.* Понятие, порядок и проблемы государственной регистрации // Закон. – 2006. – № 2. – С. 5–13.
 15. *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. – 368 с.
 16. *Черепяхин Б.Б.* Органы и представители юридического лица // Учен. зап. Вsesоюз. науч.-исслед. ин-та совет. законодательства. – 1968. – Вып. 14. – С. 131–140.
 17. *Долинская В.В.* Проблемы корпоративных споров при разработке единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 3. – С. 51–56.
 18. *Долинская В.В.* Органы юридического лица: проблемы доктрины и современного законодательства (на примере акционерного общества) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 11. – С. 64–71.
 19. *Рубеко Г.Л.* Правовой статус органов управления акционерных обществ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2004. – 27 с.
 20. *Артеменков С.В., Долинская В.В., Козлова Е.Н.* [и др.] Юридические лица / Отв. ред. В.В. Долинская. – М., 2000. – 137 с.
 21. Проблемы современного гражданского права: Сб. ст. / Отв. ред. В.Н. Литовкин, В.А. Рахмилович. – М.; Городец, 2000. – 383 с.
 22. *Чебунин А.В.* Актуальные гражданско-правовые проблемы страхования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2002. – 31 с.
 23. Очерки конституционной экономики. 10 декабря 2010 года: госкорпорации – юридические лица публичного права / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. – М.: Юстицинформ, 2010. – 455 с.
 24. *Брагинский М.И.* Участие советского государства в гражданских правоотношениях. – М.: Юрид. лит., 1981. – 190 с.
 25. *Виткявичюс П.-С.П.* Гражданская правосубъектность советского государства. – Вильнюс: Минтис, 1978. – 208 с.
 26. *Тихомиров Ю.А.* Публичное право. – М.: Бек, 1995. – 485 с.
 27. *Шенгелия Р.В.* Гражданская правосубъектность советского государства в кредитных отношениях. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. – 255 с.

28. *Красавчиков О.А.* Советское государство как субъект гражданского права // Советское гражданское право: в 2 т. / Под ред. О.А. Красавчикова. – М.: Высш. шк., 1985. – Т. 1. – С. 172–176.
29. *Суханов Е.А.* Государство как субъект гражданского права // Гражданское право: в 2 т. / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: Бек, 1993. – Т. 1. – С. 107–111.
30. *Иванов А.А.* Государство и государственные (муниципальные) образования как субъекты гражданского права // Гражданское право. Ч. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – СПб.: ТЕИС, 1996. – С. 157–179.
31. *Долинская В.В.* Предпринимательское право. – М.: Academia, 2004. – 208 с.
32. *Долинская В.В.* Организационно-правовые формы хозяйствования: система и новеллы // Журн. рос. права. – 2016. – № 1. – С. 13–22.
33. *Долинская В.В.* Корпоративные отношения в предмете гражданского права // Вопр. правоведения. – 2015. – № 5. – С. 216–240.
34. *Долинская В.В.* Проблемы правового статуса третейского суда и постоянно действующих арбитражных учреждений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. – № 4. – С. 7–17.

Поступила в редакцию
28.05.19

Долинская Владимира Владимировна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, д. 9, г. Москва, 125993, Россия
E-mail: civil-vvd@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 4, pp. 127–145

doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.127-145

Development of the Doctrine and Legislation on Subjects of Civil Legal Relations

V.V. Dolinskaya

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, 125993 Russia
E-mail: civil-vvd@yandex.ru

Received May 28, 2019

Abstract

The modern doctrine and legislation on the subjects of civil relations have been considered and compared with D.I. Meyer's ideas. The problems of the legal personality of individuals aged up to six years have been raised; differences have been revealed in the approaches of various branches of law and legislation aimed to establish the age of full legal capacity or individual rights; a contradiction in the legal standards, as well as between its actual and legal implementation in the case of euthanasia, have been emphasized. With respect to legal entities, the following issues have been discussed: aims of their establishment and activity, character of legal personality, classification of legal entities. In the analysis of public legal entities, the main attention has been paid to the combination of political and economic governance by the country, which implies the unity of power between the sovereign and the owner; the legal personality of the state, as well as the personification of its legal personality in civil matters, have

been analyzed. In addition, the legal personality of other entities has been confirmed. Therefore, it has been concluded that when deciding on the circle of subjects of civil legal relations, it is necessary to take into account the attributes of a participant in legal relations, a full set of elements of legal personality.

Keywords: legal personality, participant of legal relations, individual, legal entity, public-law entity

References

1. Meyer D.I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Moscow, Statut, Konsul'tant Plyus, 2003. 830 p. (In Russian)
2. Dyuvernua N.L. *Chteniya po grazhdanskomu pravu* [Lectures on Civil Law]. Vol. 1: Introduction. A doctrine of an individual. Moscow, Zertsalo, Sistema Garant, 2004. 538 p. (In Russian)
3. Dolinskaya V.V., Dolinskaya L.M. Life and viability in law and medicine. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, 2012, no. 4, pp. 30–35. (In Russian)
4. Dolinskaya V.V., Dolinskaya L.M. Problems of legal personality and rights of children: International and national aspect. In: *Razvitie yuridicheskoi nauki v novykh usloviyakh: edinstvo teorii i praktiki – 2018: Ezhegod. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Legal Science Development under Modern Conditions: Unity of Theory and Practice]. Rostov-on-Don, Taganrog, Izd. Yuzhn. Fed. Univ., 2018, pp. 197–199. (In Russian)
5. Kovalev M.I. The right to life and death. *Gosudarstvo i Pravo*, 1992, no. 7, pp. 66–73. (In Russian)
6. Krasavchikova L.O. The right to life. *Vestnik Gumanitarnogo Universiteta. Seriya: Pravo*, 1996, no. 1, p. 24. (In Russian)
7. Maleina M.N. On the right to life. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo*, 1992, no. 2, pp. 50–59. (In Russian)
8. Mikhailova I.A. The right to life. *Tsivilist*, 2007, no. 2, pp. 31–37. (In Russian)
9. Dolinskaya V.V. Economic activity and its types. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, 2018, no. 3, pp. 3–14. (In Russian)
10. Dolinskaya V.V. *Aksionernoe pravo: osnovnye polozeniya i tendentsii* [Corporate Law: Basic Provisions and Trends]. Moscow, Volters Kluver, 2006. 720 p. (In Russian)
11. *Grazhdanskoe pravo: uchastniki pravootnoshenii* [Civil Law: Participants of Legal Relations]. Dolinskaya V.V., Slesarev V.L. (Eds.). Moscow, Prospekt, 2017. 237 p. (In Russian)
12. Dolinskaya V.V. Basic provisions on legal entities: Novelties of civil legislation. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, 2015, no. 6, pp. 3–11. (In Russian)
13. Kulagin M.I. *Predprinimatel'stvo i pravo: opyt Zapada* [Entrepreneurship and Law: Western Experience]. Moscow, Delo, 1992. 142 p. (In Russian)
14. Dolinskaya V.V. The concept, procedure, and problems of state registration. *Zakon*, 2006, no. 2, pp. 5–13. (In Russian)
15. Bratus' S.N. *Sub'ekty grazhdanskogo prava* [Subjects of Civil Law]. Moscow, Gos. Izd. Yurid. Lit., 1950. 368 p. (In Russian)
16. Cherepahin B.B. Bodies and representatives of a legal entity. *Uchenye Zapiski. Vsesoyuznyi Nauchno-Issledovatel'skii Institut Sovetskogo Zakonodatel'stva*, 1968, no. 14, pp. 131–140. (In Russian)
17. Dolinskaya V.V. Issues of corporate disputes under the unified Civil Procedural Code of the Russian Federation. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, 2015, no. 3, pp. 51–56. (In Russian)
18. Dolinskaya V.V. Legal entity's authorities: Problems concerned with the doctrine and contemporary legislation (basing on a joint-stock company example). *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, 2014, no. 11, pp. 64–71. (In Russian)
19. Rubeko G.L. Legal status of management bodies of joint stock companies. *Extended Abstract of Cand. Leg. Sci. Diss.* Rostov-on-Don, 2004. 27 p. (In Russian)
20. Artemenkov S.V., Dolinskaya V.V., Kozlova E.N. et al. *Yuridicheskie litsa* [Legal Entities]. Dolinskaya V.V. (Ed.). Moscow, 2000. 137 p. (In Russian)
21. *Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava* [Problems of Modern Civil Law]. Litovkin V.N., Rakhmilovich V.A. (Eds.). Moscow, Gorodets, 2000. 383 p. (In Russian)
22. Chebunin A.V. Urgent civil problems of insurance. *Extended Abstract of Cand. Leg. Sci. Diss.* Irkutsk, 2002. 31 p. (In Russian)

23. *Ocherki konstitutsionnoi ekonomiki. 10 dekabrya 2010 goda: goskorporatsii – yuridicheskie litsa publichnogo prava* [Essays on Constitutional Economics. December 10, 2010: State Corporations – Legal Entities of Public Law]. Gadzhiev G.A. (Ed.). Moscow, Yustitsinform, 2010. 455 p. (In Russian)
24. Braginskii M.I. *Uchastie sovetskogo gosudarstva v grazhdanskikh pravootnosheniyakh* [The Participation of the Soviet State in Civil Matters]. Moscow, Yurid. Lit., 1981. 190 p. (In Russian)
25. Vitkyavichus P.P. *Grazhdanskaya pravosub'ektnost' sovetskogo gosudarstva* [The Civil Legal Personality of the Soviet State]. Vilnius, 1978, Mintis. 208 p.
26. Tikhomirov Yu.A. *Publichnoe parvo* [Public Law]. Moscow, Bek, 1995. 485 p. (In Russian)
27. Shengeliya R.V. *Grazhdanskaya pravosub'ektnost' sovetskogo gosudarstva v kreditnykh otnosheniyakh* [The Civil Legal Personality of the Soviet State in Credit Relations]. Tbilisi, Izd. Tbilis. Univ., 1984. 255 p. (In Russian)
28. Krasavchikov O.A. Soviet state as a subject of civil law. In: Krasavchikov O.A. (Ed.) *Sovetskoe grazhdanskoe parvo* [Soviet Civil Law]. Vol. 1. Moscow, 1985, pp. 172–176. (In Russian)
29. Sukhanov E.A. State as a subject of civil law. In: Sukhanov E.A. (Ed.) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 1. Moscow, Bek, 1993, pp. 107–111. (In Russian)
30. Ivanov A.A. The state and state (municipal) entities as subjects of civil law. In: Sergeev A.P., Tolstoi Yu.K. (Eds.) *Grazhdanskoe Pravo* [Civil Law]. Pt. 1. St. Petersburg, TEIS, 1996, pp. 157–179. (In Russian)
31. Dolinskaya V.V. *Predprinimatel'skoe pravo* [Entrepreneurial Law]. Moscow, Academia, 2004. 208 p. (In Russian)
32. Dolinskaya V.V. Organizational and legal forms of management: System and novelties. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2016, no. 1, pp. 13–22. (In Russian)
33. Dolinskaya V.V. Corporate relations in the subject of civil law. *Voprosy Pravovedeniya*, 2015, no. 5, pp. 216–240. (In Russian)
34. Dolinskaya V.V. Problems of the legal status of arbitration court and regular arbitration authorities. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, 2017, no. 4, pp. 7–17. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Долинская В.В. Развитие учения и законодательства о субъектах гражданских правоотношений // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 4. – С. 127–145. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.127-145. ⟩

⟨ **For citation:** Dolinskaya V.V. Development of the doctrine and legislation on subjects of civil legal relations. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 4, pp. 127–145. doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.127-145. (In Russian) ⟩